

**Ирион Зет
СИрения**

**СВЯЗАННЫЕ
ПРОРОЧЕСТВОМ**

УДК 82-312.9
ББК 84-445
3-58

Зет И.
3-58 Связанные пророчеством / Ирион Зет, СИрения – М.: Литнет, 2026. – 192 с.

ISBN 978-5-521-99551-6

Я думала, что смерть под колесами автомобиля — это конец. Но очнулась в другом мире, который сам находился на грани гибели. Согласно древнему пророчеству, только я вместе с двумя незнакомцами, моими «истинными», могу вернуть жизнь этой земле. Нас ждут пять смертельных испытаний, где главное — научиться доверять друг другу. Но самое сложное — принять, что наша тройная связь должна стать чем-то большим. Готова ли я на это? Смогу ли полюбить двух мужчин? От этого зависит всё.

Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ.

ISBN 978-5-521-99551-6

© Литнет, 2026
© СИрения, 2026
© И. Зет, 2026

Пролог

Вероника

Меня зовут Вероника Веселова. Ирония, заключенная в фамилии, стала не просто фоном, а моей второй кожей, мундиром, который я носила с детства, не смея его сбросить. «Веселова» – будто тонкая, изоощренная насмешка судьбы, дань той жизни, которой я никогда не жила и, как казалось, никогда не смогу жить. Во мне, в самой моей молекулярной структуре, не было отведено места легкости, тому самому беззаботному, заразительному смеху, который, судя по книгам и фильмам, должен пузыриться в юности. Вместо этого я с младых ногтей научилась поражать серьезностью, ответственностью, невысказанными ожиданиями. Это стало для меня единственно возможным. Попытка повернуть что-то иное вызывала панический спазм.

Мне двадцать четыре. Мой мир – это трехкомнатная квартира в панельной девятиэтажке, где время замедлило свой бег, подчинившись тихому, но неумолимому ритму, задаваемому двумя женщинами. Мама, чье молчание о прошлом стало прочнее и непроницаемое бетонных стен нашего дома. Ее прошлое – это закрытая книга, запечатая на семь печатей, и ключ она давно выбросила. И бабушка Тася – Таисия Петровна – мой настоящий полюс, заменившая мне и отца, и подругу, и строгого, но справедливого судью. Она была живой историей, ходячей моралью, воплощением «как надо». Отец для меня – пустое место, призрак, имя и лицо которого были стерты с такой тщательностью, будто его никогда и не было. Мать вычеркнула его из нашей реальности одним резким движением, оставив в качестве объяснения лишь скупую, отточенную как лезвие формулировку: «Узнал о тебе и ушел». Не «нас бросил», не «разлюбил», а именно «узнал о тебе». Эта фраза с годами не тускнела.

Она висела вечным, незримым предостережением, оберегающим меня от подобных, роковых ошибок. От ее ошибок. Я была фактом, который заставил мужчину уйти. Этот урок был усвоен мной на клеточном уровне.

Бабушка растила меня не на сказках, а на суровых, выстраданных рассказах о погибшем на войне деде, на незыблемых догматах чести, порядочности и долга. Ее воспитание — это был не просто свод правил, типа «мой руки перед едой». Это был прочный, теплый, но невероятно плотный кокон, сплетенный из «девочки так себя не ведут», «что люди подумают?», «твоя главная ценность — твое доброе имя». Из этого кокона я так и не нашла в себе сил, да и желания, вырваться. В двадцать четыре года мое тело, молодое и на вид здоровое, оставалось неприступной крепостью, которую не брала ни одна осада. Ни робкая, ни настойчивая. Девственность в моем случае — не осознанный выбор и уж тем более не добродетель. Это скорее диагноз. Психосоматический блок. Проклятие, выкованное самой чистой, самой жертвенной любовью бабушки, которая хотела для меня только лучшего, ограждая от всех шипов этого мира.

Я не могла сказать, что совсем не привлекала внимания. Зеркало в прихожей, старое, с чуть потемневшей амальгамой, показывало мне объективные данные: стройную, подтянутую фигуру (спасибо пешим прогулкам и отказу от фастфуда), прямые светлые волосы, падающие на плечи аккуратным, неброским каскадом, и лицо... Лицо с правильными чертами, но с слишком спокойными, почти отрешенными голубыми глазами. В них читалась не загадка, а усталость. Усталость от постоянного внутреннего цензурирования. Но стоило лишь чьему-то взгляду задержаться на мне чуть дольше обычного, а пальцам — коснуться моей кожи с намерением, выходящим за рамки формально-дружеского, как внутри срабатывала сигнализация. Тихая, но неумолимая. Руки сами собой складывались в баррикаду на груди, плечи напрягались, а разум начинал твердить заученную, вбитую с детства мантру о «единственном

и любимом», о «сохранении себя». Это был не голос желания, а голос страха.

Страх оказаться использованной, обманутой, осмеянной. Страх повторить судьбу матери, стать той, из-за кого уходят.

Я слушала подруг за обедом в больничной столовой – я стала врачом – их восторженные, сбивчивые, переполненные эмоциями истории о свиданиях, постели, ссорах и примирениях. Внутри меня в такие моменты шевелилось что-то острое, горькое и тягучее – не то зависть к этой легкости, не то чувство глубокой, калечащей ущербности. «Со мной что-то не так, – шептал внутренний голос. – Я сломана». Но кокон, сплетенный из бабушкиных «правильно» и материнского «не наступай на те же грабли», был прочнее любой логики и любого смутного желания. Он был моим домом, моей тюрьмой и моей броней.

Самым страшным, самым непростительным грехом для меня была ложь. Не мелкая, бытовая, а та, что калечит душу. Она вонзилась в меня в восьмом классе, приняв облик обычного, ничем не примечательного парнишки с доверчивыми карими глазами и смешными веснушками на носу. Его имя, клянусь, уже стерлось из памяти, растворилось, осталось лишь смутное ощущение – тепло его немного потной, нервной ладони в моей во время нашего первого и последнего «свидания». Мы гуляли после школы по осеннему парку, пили из одной бутылки слишком сладкую газировку, и он носил мой перегруженный учебниками рюкзак. Для меня, тихой отличницы, это была первая, робкая, пугающая попытка настоящей дружбы с представителем противоположного пола, окрашенная смутной, далекой надеждой на что-то большее, красивое, что жило где-то в книгах и должно было случиться когда-нибудь потом, в далеком, взрослом будущем. Я позволяла себе мечтать о совместном выполнении домашнего задания, о прогулках, может, даже о поцелуе в щеку под Новый год. А потом, всего через пару дней, я случайно, застряв у раздевалки, услышала, как он, краснея до корней волос и запиная

ясь, но с явной бравадой, рассказывал кучке приятелей грязные, пошлые, абсолютно выдуманные подробности нашего «секса». Моя выдуманная «распущенность», мое «желание» стали притчей во языцех. Взгляды одноклассников, сначала любопытные, потом сальные, усмешки, шепот за спиной, похабные надписи на моей парте – все это жгло меня изнутри сильнее любого огня. Он украл у меня невинность, которой я ему не отдавала и не собиралась, – он украл ее грязным враньем, опозорив, превратив мою первую робкую привязанность в похабный анекдот. Бабушка, увидев мое подавленное состояние, не стала выяснять подробности. Она просто взяла меня за руку, пошла в школу и оформила перевод. В ту, старую школу, в тот коридор с его смехом, я не вернулась бы под дулом пистолета. Предательство вкуса той газировки и тепла его ладони стало навсегда связано с холодом одиночества.

Спасалась я одним – учебой. Мир людей был непредсказуем и жесток, а мир наук – строг, логичен и справедлив. Меня манили незыблемые законы биологии, объяснявшие работу сердца, и хаотичная, но подчиняющаяся формулам алхимия химических реакций. Еще с детства, когда болела наша кошка Мурка, я интуитивно, по едва уловимым признакам, понимала, что с ней. Игра в доктора была не игрой, а самым настоящим призванием, бегством в мир, где можно было что-то исправить, исцелить, навести порядок. Лечить подругу от простуды, бабушку от давления, того же кота – мои руки словно сами знали, что делать, куда нажать, что приложить. Так, почти без раздумий, я оказалась в медицинском, а затем – в серых, пахнущих антисептиком и отчаянием стенах городской больницы, в должности врача-психиатра (официально – психоневролога). Я лечила чужие нервы, чужие панические атаки и депрессии, словно пытаясь методично, по учебнику, навести порядок в том хаосе, что тихо и безнадежно царил внутри меня самой. Свои тревоги я оставляла за дверью кабинета, надевая белый халат как доспехи.

Однажды ночью, когда я заканчивала смену, заполняя кипу бумаг,

на скорой привезли в мой стационар. Это было не по моему профилю, но дежурный терапевт попросила помочь. Санитары выкатили носилки, и я увидела бабушкино лицо.

Ее милое, родное лицо было искажено страшной, асимметричной гримасой, которую я знала по учебникам неврологии – левосторонний паралич. Инсульт. Она была в сознании. Ее глаза, всегда такие живые, умные, всепонимающие, смотрели на меня в ужасе и беспомощности, словно застрявшие в этой внезапно предавшей ее плоти. Я, врач Вероника Веселова, отдавала четкие распоряжения медсестрам, голос не дрогнул ни разу, руки не задрожали. Внутри же что-то огромное и важное разорвалось с тихим, хрустальным звуком. Пропасть между профессиональным «я» и внучкой стала непроходимой. Через несколько дней, несмотря на все усилия, бабушка впала в кому и тихо ушла, не простившись, не успев сказать мне последнее «будь умницей».

На похоронах, под монотонный, ледяной шепот ноябрьского дождя, нас было всего трое: мать, стоящая поодаль, какая-то старая, плачущая подруга бабушки из давнего прошлого, и я. Я смотрела, как простой деревянный гроб медленно, с противным скрежетом, скрывается в сырой, темной земле, и не чувствовала ничего. Ни боли, ни тоски, ни даже облегчения. Просто пустота. Абсолютная, звонкая, как лед. Все эмоции, казалось, были потрачены за те несколько дней у больничной койки. Мать, ее лицо было бледным и растерянным, попыталась обнять меня за плечи, ее прикосновение было чужим, тяжелым и обжигающим, как утюг. Я инстинктивно, резко сбросила ее руку, даже не взглянув, и пошла прочь от могилы, не видя дороги, не чувствуя под ногами земли. Кто-то кричал мне вслед – мать или та старая женщина, – но звуки не долетали, потеряв всякий смысл, как радиопомехи. Я шла по мокрому асфальту, а в ушах стоял лишь нарастающий вой ветра в голых ветвях и глухой, ударный стук собственного сердца – отсчет последних секунд какой-то жизни.

Последнее, что я успела осознать – это ослепительный, размытый свет фар, вынырнувших из-за поворота, слепящий, как прожектор на допросе. И химическая вонь гари от резко заблокированных шин, смешанный с запахом мокрого асфальта и осенней гнили. Потом – короткий, оглушительный удар.

Глава 1

Лариэль

Ледяной ветер осени, пахнувший гниющей листвой и сыростью приближающейся зимы, свистел в ушах. Я не ощущал его холода – лишь легкое раздражение, тонкую, как лезвие ножа, нервную ноту, что вибрировала в крови. Утро. Обезд границ. Рутинa, от которой зависело выживание того, что осталось от моего народа.

Мой взгляд скользил по опушке, выискивая малейшее движение в сплетении вековых стволов и чахлого подлеска. Лес Эллендор, некогда сиявший изумрудной магией, теперь дышал тяжело и прерывисто. Воздух, пропитанный влагой, отдавал сладковатой вонью тления. Это было проклятие. Конец всего.

Они снова были здесь, – беззвучно констатировал я, следя за тем, как мой лейтенант, Фаэлан, указывает на свежие следы – глубокие, с характерным отпечатком когтистых лап. Оборотни. Проклятый народ, бич нашего существования. В отличие от эльфов, чьи женщины рожали одного ребенка раз в столетие, сберегая свою силу и магию, и чьи браки были прочнейшим союзом душ, оборотни плодились с безрассудной, животной скоростью. Их кланы жили по законам стаи: сильные самцы, плодовитые самки, ежегодный приплод. Они не строили, не творили – они потребляли. Пожирали пространство, ресурсы, саму жизнь.

Я сжал поводья, и мой белый конь, Сильван, взмахнул гривой, словно чувствуя гнев седока. Грусть, тяжелая и неизбывная, как туман над болотами, сдавила горло. Я – повелитель эльфов, потомок королевской династии, чья кровь текла в жилах с начала времен, – был свидетелем медленного угасания собственного рода. Наши города пустели, колыбели молчали десятилетиями. Эльфийки предпочитали сохранять свои стройные, бессмертные тела для искусства

и магии, а не для пеленок и бессонных ночей. Рождение наследника в семье стало величайшей редкостью, почти чудом. А чудеса, увы, кончились.

И пока мой народ вымирал, Проклятие пожирало землю. Черные болота, возникшие столетия назад из ниоткуда, как раковая опухоль на теле Лавии, медленно, но неотвратимо расплзались. Я видел, как за долгую жизнь некогда плодородные долины превращались в зловонную, пузырящуюся жижу, как вековые деревья чернели и рушились в труху, как сама магия истончалась и умирала в этих местах. Оборотням, с их растущим как на дрожжах населением, приходилось все туже. Голод делал их отчаянными. И отчаянные звери – самые опасные.

«Сегодня тихо», – мысленно отметил я, завершая объезд. Слишком тихо. Эта тишина была обманчивой, натянутой, как струна перед выстрелом.

Внезапно с севера донесся отдаленный лай, металлический лязг и короткий, яростный вой, оборвавшийся рыком. Я резко развернул Сильвана и помчался на звук, чувствуя, как ледяной комок тревоги сжимается у меня в груди. Ветер свистел в ушах уже не просто раздражающим фоном, а набатом, рвущим тишину. Просеки и тропы мелькали за спиной, сливаясь в полосатый коридор из серого неба и черных стволов.

На небольшой поляне, окруженный кольцом эльфийских воинов с обнаженными клинками, стоял он. Оборотень. Не в своей звериной форме, а в гибридной – двуногий, покрытый бурой шерстью, с вытянутой волчьей мордой, с которой капала слюна. Янтарные глаза пылали яростью. Он был могуч, его мышцы играли под грубой кожей, но против десятка изящных клинков эльфов его сила ничего не значила. Его уже сковали магическими путами, светящимися холодным синим светом, которые впивались в плоть при каждой попытке двинуться, источая легкое шипение. На земле валялись двое наших воинов – один недвижим, с неестественно выверну-